

«Безумный волк» содержится намек (подчеркнутый архаической формой «пламена») на смелый державинский образ рыб, плывущих по небу:

Она плыла, подобно рыбам,
Туда, где неба пламена.

(281)

Ср.:

... В ясный день, средь светлой влаги,
Как рыбы ходят в небесах...³¹

(«Водопад»)

Другой пример метафорической параллели — «дебелые» деревья у Державина и «ожиревшие» у Заболоцкого — приводит А. Турков в предисловии к однотомнику поэта (23).

Эти аллюзии не случайны. Действительность выступает в стихах Заболоцкого в парадоксальном и эксцентричном виде. Мир мещанина не только убог и не просто страшен — он еще и обыденный, примелькавшийся мир. Заболоцкий полагал, что показать его подлинный облик, таящийся под личиной повседневности, или создать грандиозно-наивные утопии вроде «Торжества земледелия», где животные обретают разум, а люди переселяются в междупланетное пространство, можно в том случае, если вернуться к примитиву, к инфантильному, незамутненному привычным автоматизмом восприятию жизни.

Инфантилизм стихов Заболоцкого питали самые разнообразные источники — творчество детей, недавно сложившиеся книжные традиции, прежде всего хлебниковская. Той же цели служила архаизация стихотворной речи — стилистических фигур, лексики, ритмико-синтаксических построений.

Заболоцкий охотно прибегает к прямой дидактике. Он с вызывающей последовательностью (на фоне буйных нововведений 20-х годов) сохраняет ямбическую монотонность стиха. Строго выдерживает неуклюже-инверсионный строй, составляет громоздкие, запинаящиеся синтаксические конструкции. Мы встречаем у Заболоцкого: «труба, как золотое бремя», «уста отважно растворил», «на стогах солнце опускалось», «грива стелется, как царская порфира».

В системе этих архаических средств выразительности перифразирование державинских образов получает особую эстетическую функцию. Однако не сами по себе образные совпадения и уподобления определяют характер творческого родства двух поэтов. Речь здесь должна идти не о похожести, не об отдель-

³¹ Державин, т. I, стр. 484.